

История как идеология*

То, что рассказанная или написанная история всегда ориентирована идеологически, доказывать не надо. Нет и не может быть нейтральной, «объективной» истории. Факты (что должно подтверждать объективность) выбираются из бесконечного многообразия явлений и событий согласно критерию значимости, с точки зрения причастности к социальной жизни, ориентированной принятыми ценностями и нормами данного общества. К тому же не существует исторического факта как такового, а есть только факты, включенные в ту или иную систему интерпретаций, если даже опустить вопрос о том, что «факты» выдумываются и подтасовываются. В первую очередь выделяются такие персонажи и события, которые изменяют ход истории. Социальное поле для каждого социума, подобно рельефу местности, строго индивидуально, к тому же крайне изменчиво. Его характеризует прежде всего распределение власти, выражающееся в распределении капиталов: экономического, социального, культурного и символического¹. Но социальная жизнь не есть единственное поле, на котором история происходит, и ее влияния не исчерпывают собою всех тех воздействий, которые определяют эти изменения, повороты в ходе истории. Мы знаем очень мало обо всем плотном потоке событий в мире людей; известно нам об этом только то, что уже отмечено

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 09-03-00299а «Идеология и процессы социальной модернизации».

и выбрано общественным сознанием, представлено на «табло» культуры². Можно заметить здесь определенную аналогию с нашими малыми познаниями физического мира, которые кажутся нам большими: мы видим лишь маленькое освещенное пятно, доступное нашим познавательным способностям и сложившимся методам. Так, мы видим маленькую зону всех существующих излучений, о существовании большинства из которых, возможно, мы и не догадываемся, как не догадывались люди Средневековья о радиоактивности. Видимый свет – лишь маленькое пятнышко во всем гигантском многообразии излучений. Несомненно, во Вселенной существует множество скрытого от нас, что, возможно, никогда не станет для нас открытым. Так же и в потоке событий во времени, которые захватывают собой человечество, называемом Историей, осознаваемая и изучаемая история тоже есть такая небольшая светлая полянка посреди темного леса. «Лес» в очень большой степени определяет то, что происходит на полянке. О нем мы судим тоже по аналогии, допуская, что известное похоже (если не тождественно) на то, что нам вовсе никогда не встречалось. Это убеждение покоится на принципиально не проверяемом предположении о том, что всегда и везде во Вселенной действуют известные нам законы и что там, где мы существуем, мы сможем обнаружить все законы Вселенной. Еще менее надежным можно считать убеждение в том, что в истории действуют известные нам законы или что одни и те же закономерности можно найти в любом социальном поле. Подобно тому, как каждая вещь вобрала в себя всю предшествующую историю и есть в некотором смысле одно из выражений ее «лица» (в этой вещи представлено все прошлое, мы же видим в ней только ее собственный, этой вещи, облик, как если бы она обладала независимым существованием), так и каждое событие, выделяемое нами как имеющее собственный облик, вбирает в себя всю предшествующую историю. В этом смысле по видимости одинаковые для нас события могут иметь совершенно различное историческое содержание, не значение, а именно содержание.

То, как история пишется и сочиняется, кажется подчиненным более ясным правилам. Одно из них – необходимость согласовывать слагаемую историю с проектами и намерениями действующих в это же время или стремящихся к власти, т. е. потенциальных правителей, а также с доминирующими в общественном сознании

идеями. Соразмеряется она и с более масштабными и объемными метафизическими и философскими идеями. Короче говоря, это есть отклик на обозримую ситуацию.

То, как тот или иной народ осваивает свою историю, может увеличивать или сокращать его жизненные и творческие силы. И, конечно, на этом поле осознания своей истории ведется непрекращающаяся борьба с теми, кто заинтересован в ослаблении этих сил, т. е. ведется информационная война, борьба идолов, война богов.

Разумеется, идеологическое преломление истории нас интересует прежде всего в связи с нашей собственной страной, историей нашего народа и ее интерпретаций. Русская история – это непрерывное идеологическое производство. Она сочиняется и меняется параллельно с изменением идеологических предпочтений. Современное начинание под именем борьбы с искажением истории (или «извращением»), в духе борьбы марксистов со своими противниками против искажений и извращений марксизма) тоже имеет идеологическую подоплеку. Это попытка установить регламент на этом поле истории как идеологии. Каждое из «пространств» (полей) – социальное, культурное, политическое, научное и т. д. – имеет относительно автономное устройство и управление. Для истории как идеологического производства характерно отступление в прошлое, поиск первоисточков, *regressum ad infinitum*. Борьба против «искажений» есть следствие желания остановить этот регресс к бесконечности, что невозможно, так как это главное свойство этого поля, оно присуще самой его внутренней логике. В зависимости от того, как далеко в прошлое мы забрасываем «начало» нашей истории, меняется и ее облик, на глади бесконечного океана времени проступает другая история.

Важной характеристикой поля истории является также объективация и превращение в самостоятельные субъекты таких «коллективных сущностей», как Государство, Народ, Церковь, Семья и т.п. Историк говорит об этих сущностях, как если бы они были реальными субъектами: «Церковь принимала активное участие в...», «Народ не захотел встать на сторону...» и т. п. К такого же рода объективациям относятся идеи Цивилизации в теориях цивилизационных типов. Сюда же можно отнести идею истории как сцены, на которой выступают Этносы, причем в подозрительно одинаковых ролях – в роли организма, даже не личности, как это

было в русской религиозной философии с персонификацией Народа. Идея этносов как организмов, которым суждено рождение, молодость, зрелость и умирание, особенно красочно нарисованная Л.Гумилевым, по видимости столь привлекательная (и многие подпали под ее обаяние, потому что она очень простая, каждый ее может понять³), на деле есть лежащий на поверхности пример идеологического «внушения». Русский народ, согласно этой концепции, находится на последней стадии жизненного цикла. Очевидно, что на самом деле это есть идея-стрела, поражающая самосознание народа, как бы приговаривающая народ к умиранию. Цель таких конструкций всегда современная и идеологическая, отнюдь не чисто теоретическая. Правда, никогда нельзя определить, где же начинается современность, можно ли установить границы этого ее поля, насколько глубоко в прошлое она может «проваливаться». В любом случае для обеспечения усвоения нужных идей они сопровождаются «защитной одеждой», т. е. параллельно внушается, что нехорошо подозревать в чем-либо добрых людей, авторов или защитников этих идей, людей «доброй воли» и хороших намерений. Так что возражать, протестовать против них, оказывается, нельзя и просто опасно. Но человек не всегда осознает, на стороне какого бога он выступает.

«Война богов» на площадке «прошлое» идет не только посредством внушения, впечатывания в сознание людей подрывных идей. Философия и наука абстрагируются от такого прямого действия, будучи тоже относительно автономным пространством, полем со своим внутренним принципом идущих здесь процессов. Причем этому полю как раз противопоставлен регресс в бесконечность прошлого, *regressum ad infinitum*. Присущее этому полю ощущение времени – это вечное настоящее. Философия истории оказывается в парадоксальной ситуации, она должна совмещать в себе противоположные траектории: линию, уходящую в бесконечное прошлое, и замкнутую кривую, круг «вечных истин» (характерная метафора метафизики). Философские афоризмы, замкнутые на самих себя высказывания («Есть только бытие, а небытия и вовсе нет», или «знающий не говорит, говорящий не знает», или разные формулировки категорического императива, например) суть круги, удерживающие весь свод философского или метафизического рассуждения. Они, т. е. такие смысловые круги, держат

собою все поле науки, как и сама философия по отношению ко всей культуре. Философия истории вынуждена в себе соединять прямолинейный регресс в бесконечное прошлое и круговое движение в смысловом поле вечного настоящего⁴. Нередко этот парадокс решается при помощи телеологической иллюзии, как если бы деятели в истории ориентировались осмысленной целью или даже философским принципом, т. е. сложившаяся к настоящему моменту ситуация понимается как спроектированная «мудрыми предшественниками» или, напротив, скрытыми злоумышленниками, когда история понимается криптографически. Однако даже в случае не ученой, а «спонтанной» философии, которая как ни была бы она сконструирована, будучи при этом идеологическим продуктом, осуществляется и во многом определяется в социальном поле: «Всегда имеется спонтанная философия истории – и философия истории своей истории, т. е. своей позиции и своей траектории в социальном пространстве. Эта своего рода “центральная интуиция”, которая позволяет сориентироваться в отношении великих “теоретических” или “политических” альтернатив [данного] момента ... и в которой самым непосредственным образом выражается отношение к социальному миру, лежит в основе видения социального мира и принятия политических позиций, но также в основе внешне самых элементарных и безобидных решений в области научной практики»⁵.

Философия по определению должна быть высшим этажом культуры, если, конечно, культура дорастает до философской точки зрения, нейтральной и благородной, поскольку она удерживает все многоликое разнообразие интеллектуальной жизни, наподобие замкового камня, скрепляющего собой весь свод или арку. Если этот камень удалить, то свод начнет разваливаться. Замковый камень это и есть тот отброшенный строителями камень, который становится «главою угла» (угол не в фундаменте, а на вершине, потому что в те далекие времена, когда была изобретена арка, храмы строились круглыми в плане). Разрушение философии означает кризис культуры, а «болезнь языка» философии есть его преддверие: имеется в виду «размножение», дублирование терминов за счет ослабления и растворения смыслов, употребление иностранных слов вместо русских, как если бы новые слова имели другой, новый смысл.

К сожалению, в России самостоятельному развитию философии, да и вообще научного познания препятствовала вся организация жизни и в первую очередь религия. Православие есть идеологическая система Средневековья, и оно стремится воспроизводить не только в самом себе, но и распространять в культуре, а если получится, то и в социуме, присущий ему средневековый стиль жизни и мышления. Возможно, что этот стиль мышления был когда-то достаточно утонченным. Очевидно, однако, что социальная структура современного общества никак не соответствует этой идеологии, подобно тому, как не соответствуют представления той эпохи современной картине Вселенной (нельзя сказать, что лучше, но явно, что они из разных миров).

Реставрация православия в нашей стране выставляется как некая историческая справедливость. Но этот реванш дорого обойдется. В православии нет места для реальной свободы, напротив, личная свобода резко ограничена, даже считается злом, тем более истребляется свобода мышления. Этим объясняется его враждебность философии, которая в России запрещалась и подозревалась чуть ли не в подрывных намерениях. Религиозная точка зрения по самой своей сути не может быть не ангажированной, что проявляется не только в неизбежной авторитарности ее приверженцев, но и в сугубой идеологизации истории, создании такой перспективы русской истории, при которой остается видна только ее ближайшая к нашему времени часть, последнее тысячелетие. Многотысячелетнее развитие русского народа и его самобытной культуры при этом просто отсекается и отрицается. Утверждение, что русская история началась с принятием христианства, есть идеология самого христианства, для которого все то, что вне него, не имеет никакой ценности, а значит, и вовсе как бы не существует. Православие отрицает русскую историю, а признает только историю «православной страны России». Однако русский народ, основавший свое государство гораздо раньше этого события, имеет за спиной не одну тысячу лет своей истории. Очевидно, что признание ее самоценности и самодостаточности никак не вписывается в идеологию православия. Оно само тогда может быть поставлено под вопрос, действительно ли было для России благом принятие христианства? Ведь этот вопрос не обсуждается и не рассматривается объективно, чему виной отчасти внушения и эмоциональное давление со сто-

роны религии, а в настоящее время и опасения незаконного закона (незаконного, потому что противоречит закону о свободе совести) о чувствах верующих, которые никак нельзя задевать; неясно, почему же можно оскорблять чувства вопрошающих или верующих не в то, что надо религии, почему можно оскорблять свободную и здравую мысль? Мы не будем касаться содержательных вопросов, связанных с представлениями, свойственными христианству. Достаточно вспомнить отношение к этому В.В.Розанова: если это религия Любви, а не смерти, то «Любовь! и баста!», как он писал.

Но все же религия – это не главный игрок на идеологической площадке. Она есть только прикрытие других, более грубых интересов. К подобного же рода ограничениям поля свободной мысли, т. е. возможностей интеллектуального развития нации, можно отнести и так называемых борцов против «лженауки», сильно напоминающих средневековых борцов церкви против самой науки, которая тогда считалась как раз «лженаукой», ведь истинной наукой признавалось богословие. Это переворачивание смыслов говорит о том, что равнодействующая всех наличных определений со стороны социума и культуры, оказывающая давление на реализацию конкретного действия, не имеет фиксированного направления, т. е. вектор (доминирующая идеологическая формула) постоянно меняется. Все дело в том, как он *должен* меняться в интересах человека, народа, страны, наконец, всего человечества, которые каким-то образом необходимо согласовывать и гармонизировать, чтобы реально грозящие человечеству катастрофы не оказались действительностью.

Конечно, при любой точке зрения на историческое прошлое нашего народа и страны возникает опасность так называемого ложного отождествления, подобно тому, как если бы современные римляне считали себя непосредственными приемниками античного Рима, империи. Или как если бы французы сочли себя современными галлами или кельтами. Эти ложные отождествления (для России – будто она есть наследница Византии) суть не что иное, как навязывание под предлогом видимости «естественной преемственности» совершенно не органичных для данной культуры форм, для России это навязывание чужой истории и чужих богов⁶. Но верно и другое – ошибки отрицания непрерывности развития, для России это отрицание ее многотысячелетней истории.

То, что в немецкой философии называлось Духом народа, определяется не только и не столько пережитыми исторически событиями и сложившимися формами культуры, сколько его «местом» в пространстве и во времени, связью с Духом Земли⁷, т. е. определяется метафизически. Поэтому и в русской истории также есть опасность ложных, иллюзорных отождествлений. Но тем не менее, осознавая это, мы все-таки можем с точки зрения современности принимать те или иные траектории от сегодняшнего дня в далекое прошлое, имея в виду перспективу будущего. Возможно, что это звучит несколько самонадеянно, но выбирать свое прошлое необходимо, исходя из запросов будущего. А это означает признание истории как формы идеологического производства. И как всякое производство, оно должно быть эффективным. В гуманитарном знании нельзя пренебречь обеими его составляющими: так называемым объективным (описанием «фактов») и проективным, называемым иногда идеологическим. Это проективное измерение невозможно устранить.

«Привлечь к себе любовь пространства, // Услышать будущего зов», не имея перед собой ничего, кроме невразумительной суммы навязанных «историй» и культурных форм, продуктов чужих историй, весьма затруднительно, как если бы мы захотели различить трели соловья, включив телевизор с триллером на экране на полную мощность. Состояние нашей культуры можно сравнить с таким шумом. Она подвергалась и подвергается столь многочисленным влияниям, что указать на одну единственную причину такого хаотичного состояния невозможно, выделить какую-то «магистраль развития» весьма затруднительно.

Принятие за точку отсчета момента насильственного введения христианства есть факт «сокращения», сжатия русской истории и культуры и, несомненно, является информационным оружием в непрекращающейся идеологической войне. Когда в качестве оправдания нам напоминают, что от предшествующей культуры практически ничего «ценного» не осталось, то, во-первых, кто же определяет эту ценность? А во-вторых, известно, что осталось мало именно потому, что свирепо уничтожалось и сразу же, и в течение всего господства православия (ради справедливости следует заметить, что борьба против русско-венетской культуры началась гораздо раньше⁸). Истребление волхвов есть только один штрих по разрушению всей древней русской культуры. Уничтожение предше-

ствующей культуры и принижение ее значения призвано насаждать христианскую идеологию, независимо от того, соответствует ли она Духу народа или ему враждебна. Дело доходит до того, что русская культура отождествляется с христианской, православной, будто бы до этого не было тысячелетий самобытного ее развития. К счастью, сейчас появилось много научных исследований, показывающих развитость и глубину исконной русской культуры, ее изначальную связь и родство с ирано-индийскими (арийскими) и праславянскими истоками. Н.Р.Гусева в своих работах «Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория» и «Арии и древнеарийские традиции»⁹ очень убедительно показывает общие корни всех европейских народов, начало которых уходит на десятки тысячелетий вглубь истории. Об этом же свидетельствуют многие исследователи истории индоевропейских языков (О.Н.Трубачев, В.В.Иванов и Т.В.Гамкрелидзе, А.А.Реформатский, В.С.Леднев и др.). Поразительное сходство славянских языков и в особенности русского с санскритом отмечалось уже давно и многими учеными. Гусева же проследила со ссылками на параллельные индийские исследования родство основных культурных архетипов ариев, т. е. той индийской ветви переселившихся из приполярной области, общей родины для этих народов (чаще это именование относят ко всем индоевропейцам, включая славян) и славян¹⁰. Согласно ее концепции, корни славянской культуры и вообще арийской уходят далеко во времена до последнего ледникового периода. На первый взгляд это кажется фантастическим, но на самом деле гораздо более фантастическим было бы такое молниеносное развитие человечества, каким мы его сегодня представляем, ограничивая время истории последними пятью–шестью тысячелетиями.

Иными словами, то, что выдается современными идеологами в качестве «само собою разумеющегося», очевидного (приравнивание истории России к последнему тысячелетию), при ближайшем рассмотрении оказывается сотворенным мифом, ориентированным против подлинного осознания русскими самих себя и масштаба, глубины своей истории. Литературы о многотысячелетней истории славян-русских (русов) сейчас выходит весьма много. Это и глубокие научные изыскания, и популярные книги, правда, не всегда ориентированные на огромный и вполне достоверный материал археологических и палеографических исследований, в которых

приводятся многочисленные доказательства древности славяно-русской цивилизации, ее высокого уровня развития и, конечно же, наличия развитой письменности¹¹. Славяне (А.Иванченко полагает, что это самоназвание: «слов'яне», оно происходит не от «славы», а от «слова», однако В.С.Леднев убедительно показал, что это составное слово «сло-вене», т. е. «собственно венеты») имели весьма долгую историю до насильственного внедрения христианства, которое буквально отрезало историческую и родовую память этого отнюдь не малого и не забытого племени, чем, конечно, исказило и дальнейший путь развития, предначертанный для славянских народов Провидением¹². А.Иванченко, следуя традиции, заложенной много столетий назад в том числе и М.Ломоносовым, на основании *письменных* свидетельств доказывает многотысячелетнее существование высокоразвитой культуры славян до принятия христианства. Из последних глубоких научных исследований можно называть «Венеты. Славяне. Русь» ак. В.С.Леднева, в котором он доказал, что древняя русско-венетская азбука была основной в течение тысячелетий: «Уже на рубеже первого-второго тысячелетий до новой эры, т. е. три тысячи лет назад, русско-венетские народы имели самую развитую в мире систему буквенно-звукового письма. Именно нашим предкам – русско-венетским народам – принадлежит выдающаяся роль и честь открытия и практической реализации одного из самых главных принципов оптимизации графического кодирования звуковой речи человека: каждому звуку речи (фонеме) – свою особую букву (графему). Русско-венетская азбука три тысячи лет назад была настолько совершенной, что за истекшее время в своей основе не изменилась (в ее восточнославянском варианте)»¹³. Кирилл (Константин) только добавил к древней азбуке несколько греческих букв, создав так называемую церковницу, т. е. азбуку, пригодную для богослужения. Эти буквы благополучно со временем «выпали» из русского языка. Поэтому утверждение, что Кирилл «создал письменность», также является чисто идеологическим. Интересно, что при этом всегда опускается вопрос о глаголице, т. е. очень древнем написании букв, которое по своей форме напоминает клинопись, если буквы не прорезываются, как черты и резы, а пишутся.

Об уже упоминавшейся близости древнерусского языка и санскрита, дохристианской культуры и ведической культуры имеется множество указаний и исследований, так же как и о базовом един-

стве всех индоевропейских культур. Там, в этом базовом единстве, и скрыта единая Духовная Традиция, эту Традицию мы не найдем в современных религиях, к которым принадлежит и христианство; в религии содержится только один из ее аспектов, причем в «снятом» виде, т. е. в уже не прочитываемых никем, кроме специалистов, символах. Религии (все поздние, «мировые») не открывают, а закрывают доступ к истинной Единой Традиции. Языком Традиции, я думаю, можно было бы назвать только единый вселенский язык. Это интегральный язык всех живых, живущих, живших и грядущих. Он всем им понятен, но каждое существо понимает только то, что ему предназначено; того, что «говорит» Вселенная на своем интегральном всеязыке, не дано понять никому. Для нас это будет «шум».

Второй момент антирусской идеологии присутствует в так называемой норманнской теории, которой придерживаются еще многие историки. Эта теория немецкого происхождения, т. е. ее истоки коренятся во враждебных России, вполне материальных интересах. Точно также утверждение, что славяне-русы появились в Европе недавно, т. е. в первом тысячелетии н. э., и не обладали развитой культурой, имело вполне корыстную политическую подоплеку. Германским народам того времени было нужно доказать, что они являются исконным населением Европы, а славяне пришли невесть откуда, были дикими кочевниками, поэтому они якобы не имеют прав на занимаемые немцами территории. Эта идеология *Drang nach Osten*, «натиск на Восток», действует до сих пор, все вполне прозрачно и вовне, и изнутри. Запрет на «русский национализм» (любой другой в нашей стране приветствуется, а слово «русский» уже считается признаком национализма) тоже есть элемент этой идеологии, нацеленной на ослабление психоэнергетического состояния народа, всех народов, живущих в нашей стране.

Сегодня на основании археологических, а главное, топонимических данных достоверно установлено, что Европа, в том числе и современная Германия, была заселена славянами, которые, кстати, никогда не были кочевниками. Славяне были в те времена на более высоком уровне развития, чем германцы – наследники тех разбойничьих отрядов викингов, которые внедрялись в Европу по рекам, но ведь нередко как раз «высокое» находится в большей опасности, чем «низкое». Норманнская теория основана на интерпрета-

ции летописной фразы о «призвании варягов». История – это всегда литература, и как любая литература, она подлежит интерпретации; эта фраза тоже истолковывалась различным образом. Согласно упомянутой теории, русские призвали норманнов (под норманнами имелись в виду германцы, что в настоящее время тоже ставится под сомнение) ими править, что означает, будто они сами себя отдали своим врагам в рабство. Вся эта «теория», созданная немцем для русских(!), покоится отнюдь не на факте, а на предвзятой идее. Такой стереотип очень стоек, хотя сама эта версия полна неразрешимых противоречий. Держится она на хлипком основании: на отождествлении норманнов с русами и с варягами. Для такого отождествления на самом деле нет никакого основания. Варяги никогда не были германским племенем, это были славяне, жившие на юго-западном побережье Балтийского моря, которое тогда называлось Варяжским, близко родственные русским. Так что пригласили своих, как показывают последние исследования, реальных родственников. Рюрик на древнеславянском означает «сокол», священная для славян птица («соколик», в сказках «Финист Ясный Сокол»).

В замечательной книге Н.Ильиной «Изгнание норманнов»¹⁴ на богатейшем археологическом, лингвистическом и чисто историческом материале сопоставлены все имеющиеся на эту тему сведения и концепции, дан исчерпывающий анализ возникновения и цели, с которой была эта гипотеза сконструирована. Эта «теория» была полностью дискредитирована. Тем не менее ее продолжают проповедовать и даже включают в учебники как нечто само собою разумеющееся. Однако давно замечено, что «само собою разумеющееся» чаще всего есть главное препятствие на пути познания, и по сути в том, что касается социальной жизни, является самой незаметной и утонченной формой скрытого господства, идеологического его обеспечения.

Таким способом идеологически окрашенная концепция русской истории, если эту историю урезают только до времени доминирования христианства, предстает всего лишь калькой с западноевропейской истории и культуры. В ней выделяются периоды, примерно повторяющие по видимости те, которые выделяются в истории Запада. Получается не очень гладко. В нашей истории вдруг появляется что-то непредсказуемое: то опричнина, то смута, то раскол, то «серебряный век», то откуда ни возьмись – коммунизм¹⁵.

Подобно тому, как пространство нашей страны не имеет центра, географический и геометрический центр никак не совпадает с социальными и культурными полюсами, так и в том общем, которое называется современной русской культурой, нет центра, можно даже сказать, что она аморфна, в ней нет отчетливой формы. Официальная история объявляет таким организующим началом русской культуры прошлого православную церковь, однако, это все-таки центр былой официальной культуры, точнее даже то, что желали видеть ее проводники. Двоеверие, т. е. присутствие, и весьма жизненное, изначальных верований и обычаев под поверхностью православия, никогда не исчезало, и оно гораздо больше имеет прав на роль «магистрала».

Почему так важно сломать этот барьер в нашем прошлом, раздвинуть временные горизонты русской истории в глубь тысячелетий, преодолев идеологический запрет религии на принятие истинного, а не сокращенного до одной тысячи лет масштаба нашей истории? Конечно, «само собою разумеется», что величие страны не в ее пространственной протяженности и временной длительности: одна тысяча лет или много, какая, в сущности, разница, казалось бы¹⁶. Но тем более оно не в том, что страна – это империя с непобедимой армией: империя есть власть, основанная на насилии, император – это управляющий войной. Римская империя обладала самой сильной армией, но она погибла от «слабого» противника, христианство разложило ее изнутри, именно идеологически. Византия тоже была не слабой империей, но и она погибла. Российская империя – как империя – тоже исчезла и тоже невесть из-за чего, также и СССР. Многие объясняют, почему это происходит, но объяснения, как правило, бывают несоразмерными масштабу произошедшего. Просто империи всегда рушатся.

Величие страны, надо думать, в чем-то другом, и все же не в последнюю очередь в ее пространственно-временных масштабах, ибо они не случайны, а, с другой стороны, оно и в том, что называют Духом народа или народов, населяющих страну. Это важно не только для самоутверждения народа, для его нормального самочувствия, духовного здоровья. Пространственный и временной масштаб страны соответствует Духу народа; это соответствие не в смысле освоенного жизненного пространства, хотя и это важно; оно предстает как некое задание на будущее, замысел Провидения.

Отрицание самоценности предшествующей христианству истории сковывает Дух, подчиняет его власти чужих предков, лишает воли, а значит, лишает будущего. В великой во всех смыслах стране есть великое будущее для всех народов, живущих в ней.

Современное состояние нашей культуры и социума не может быть понято, исходя из рассмотрения только событий христианского периода. Принятие христианства породило глубокий раскол в душе народа, отсюда и «русская тоска» – необъяснимое нежелание *так* жить, что и понятно, ведь насилие над душой даром пройти не может; христианство не было «народной верой», как того хотели бы ангажированные историки, и в течение своего господства прививало¹⁷ покоренному народу «рабский образ». Двойственность – это состояние пронизывает все последнее тысячелетие русской истории, оно присуще и нашей, современной культуре. Человек «подполья», как назвал его Ф.М.Достоевский в «Подростке», не случайное или присущее только XIX в. явление. Подполье, причем не в политическом, а именно в культурном смысле, сопровождает всю нашу историю. Может быть, в этом подполье по преимуществу и шла наша культурная история, более независимая от всех внешних влияний. Сюда же, к подполью, относятся и все протестные и маргинальные религиозные явления – ереси, секты и пр., осуждаемое официальной идеологией.

О кризисе, а лучше сказать, об аморфном и совершенно беспроблемном современном состоянии культуры свидетельствуют искусство, литература, о нем говорят социологические исследования, его нам показывает Интернет, экран телевизора, на котором мы видим не эталонные образцы наилучшего, благородного, возвышенного, прекрасного, достойного, а нечто прямо противоположное. Мы видим маски «мучеников позора», даже не осознающих ни своего позора, ни своего мучения.

Для адекватной *оценки* следует иметь истинную шкалу ценностей. А где ее взять, как не из самой же культуры, не из ее ценностного состава? Если же культура находится в кризисе, то в ней нет той истинной, здоровой шкалы оценок, по которой можно было бы ее оценивать или сопоставлять с каким-либо «здоровым» образцом. Такого «здорового образца», единого для всех, нет и быть не может. Можно было бы прибегнуть к масштабным историческим и философским концепциям. Однако ведь их авторы тоже

были детьми своего времени. Например, концепция истории Гегеля; если экстраполировать ее на современность, то получится, что мы уже почти два века живем «вне истории», по ту сторону ее предела, который, по его мнению, случился в его собственной философии и в создании «совершенного» немецкого государства начала XIX в. – образец для ЕС, идеального сообщества, выводимого «в колбе». Не лучше дело обстоит и с другими всеобъемлющими историческими концепциями. Например, идея О.Конта о трех принципиальных стадиях развития человечества или же идея цивилизаций-организмов (самое известное ее приложение – это «Закат Европы» О.Шпенглера), которую, кстати, разрабатывали и русские теоретики евразийства. И в наше время эта мысль «организует» историю у Л.Н.Гумилева.

Сейчас очень популярна среди политологов-журналистов схема А.Тойнби, последователя этой же идеи, в которой движущей «пружиной» истории является двухтактное действие: исторический «вызов» и соответствующий «ответ». Однако эта схема «вызов-ответ» есть не что иное, как «стимул-реакция» бихевиоризма, т. е. течения в психологии 1-й половины XX в. История, таким образом, оказывается поведением некоего виртуального животного, называемого именами «человечество», «общество», «народ». Психология уже давно отказалась от этой схемы, как слишком примитивной; получается, что социум, история столь «просты», что для них эта схема все еще подходит. Ясно, что здесь можно найти то же самое представление Конта об идеальном существе, которым было для него человечество, и об обществе, о социальности, по его мнению, определяющей все в жизни человека. Этот предрассудок господствует в гуманитарных науках и по сей день; в социальном поле действие *реализуется*, но определяется оно еще очень многим, в первую очередь родовым сознанием и бессознательным, а также и всеми неосознаваемыми нами космическими влияниями – общим информационным полем Вселенной, тем, что называется Провидением. Однако судьба всех рационалистических построений состоит в том, что в них просто не вмещается непредсказуемость возникающих событий. Случается всегда не то, что должно было случиться согласно той или иной теории, т. е. все происходит согласно той самой гегелевской «иронии истории».

Не иначе дело обстоит и с религиозной точкой зрения. Русская философия конца XIX – начала XX вв., при всех ее литературных достоинствах, ограничена религиозной, даже более узко, православной точкой зрения, с которой вообще непонятно, как возможно все то, что происходит в современном и в частности в русском мире. Фантастические представления о Москве – Третьем Риме, о «богоспасаемой» России как «святой земле» сейчас выглядят просто как насмешка.

Остается одна только метафизическая точка зрения, согласно которой все то, что происходит в нашем физическом или материальном мире, предопределено метафизически; истоки всего происходящего невозможно найти только в уже ставшем и в становящемся, каковым и является наличная действительность. Они – в непроявленном; духовный (не то же самое, что религиозный!) мир определяет материальный, информация первична, исполнение вторично; если сопоставить с троичностью времени, то истоки происходящего не только в прошлом, но и в будущем, а может быть, и в первую очередь именно в будущем. То есть история телеологична, но не в том смысле, что мудрые исторические деятели намеренно делали историю, а в том скорее, что они, подобно гегелевским исполнителям замыслов Абсолютного Духа, реализуют неведомую нам цель, которой, возможно, подчинена не только история, но и вообще все во Вселенной. А если еще вспомнить четыре причины, которые выделяет Аристотель (действующая, целевая, материальная и формальная), то «корень» всего происходящего надо искать скорее в целевой и формальной причине, чем в действующей и материальной. Современная точка зрения науки и философии ограничивается только последними, пренебрегая первыми или сводя их к действующей и материальной причинам.

Сейчас философия пребывает в состоянии зависимости от науки, причем не только в смысле доминирующего метода (т. е. философия старается быть похожей на науку), но и в смысле социальной и культурной подчиненности по отношению к науке, прежде всего, конечно, к естественным наукам, как социальному институту.

В массовом сознании, которое, разумеется, проникает и в высшие культурные слои, в интеллектуальное ядро культуры и в определенной мере им формируется, «научно» равнозначно «истинно»,

а главное, обязательно для исполнения. Эта оценка фактически бытует в статусе закона: преступив критерий «научности», впрочем, не очень ясно определенный, человек преступает общественный закон и подлежит наказанию, таков неявный стандарт массового сознания. По ходу развития западной философии произошел раскол между научной точкой зрения и метафизической, который привел к сужению и той, и другой. Метафизическая точка зрения выродилась в оккультизм, гибридные религиозно-научоподобные теоретические конструкции. С другой стороны, наиболее живые умы обратились «за мудростью» к Востоку. Но ведь то, что человек видит, зависит не только от того, что перед ним открывается, но и от того, что он из этого отрывающегося может охватить своим сознанием. Присутствие восточных доктрин и учителей на Западе отнюдь не привело к возрождению метафизики. Влияние Востока ограничилось мистическими практиками и поверхностным по большей части усвоением тех идей, которые каким-либо образом были созвучны сознанию западного человека.

Возможно, что самой значительной попыткой постичь метафизическое единство восточных и западных духовных учений была концепция Единой Духовной Традиции Рене Генона; она получила некоторое признание в нашей стране, и надо сказать, что для этого есть весьма важные причины; именно эта концепция дает необходимый вселенский масштаб, в котором только и можно понять запутанный рисунок российской истории. Ясно ведь, что ошибочность и даже ложность определения очень часто задается тем, что принят несоответствующий масштаб рассмотрения.

Россия нередко понимается как посредник между Востоком и Западом. И хотя это посредничество интерпретируется с внешней точки зрения (географического положения, экономических связей, культурного синтеза и т. п.), все же здесь присутствует некий смысл, превосходящий отчасти случайный и всегда индивидуальный исторический контекст. Когда проповедуют экономический и социальный детерминизм, который является следствием позитивистского переворота в философии и становления современной светской науки, то тем самым демонстрируют, что духовная жизнь понимается как производная и зависимая от материальной. Напротив, согласно метафизической точке зрения, все принципиально сначала решается, как сейчас говорят, на информационном уровне.

не, а потом реализуется в видимом и материальном пространстве. Говоря в терминах учения о духовной Традиции, все происходит сначала в духовном мире и лишь затем реализуется в нашем, проявленном и обусловленном. Экономика и социум есть предельная степень обусловленности, т. е. здесь решения исполняются, а если и принимаются, то только ситуативные, частные и кратковременные. Но именно переворачивание всех отношений и есть характерный признак противодействия нормальному духовному порядку, покоящемуся на вечной изначальной Единой Традиции. Поэтому во всех известных исторических событиях и ситуациях надо прежде всего искать метафизический и духовный смысл. Это значит встать на такую точку зрения, с которой каждое событие и ситуация будут голографическим образом и подобием всего универсального Существования. Конечно, это легко заявить абстрактно, но в каждом конкретном случае сделать очень трудно.

На основании этого принципа во всех доктринах, во всех религиях и культурах, о которых мы имеем какие-то исторические сведения, можно усмотреть единые духовные принципы. Эти принципы представлены символически; расшифровка универсальных символов с метафизической точки зрения создает перед нами поистине объемную, даже многомерную картину, если так можно сказать¹⁸. В этой многомерной картине Россия тоже Посредник, но только это посредничество, если его истолковывать символически, не между эмпирическими Востоком и Западом, а между Небом и Землей. В дальневосточной традиции есть учение о Великой Триаде, в которой эту роль Посредника¹⁹ исполняет Человек, но не эмпирический индивид, являющийся лишь возможностью, потенцией Человека, а «истинный» и «трансцендентный человек». Первый, то есть «истинный», поскольку он есть в то же самое время «изначальный» человек, соединяет в себе все возможности индивидуального проявления, содержит в себе «десять тысяч вещей», а второй есть тот, кто реализует духовное влияние, идущее от Принципа. Первый есть интеграл земных влияний, а второй – небесных. Понятно, что термины «Небо, Земля, Человек» здесь выступают в качестве изначальных принципов, а не как индивидуальные явления, не как наличные небо, земля и человек. Это – принципы; следовательно, из них, как из первичных сущностей, разворачивается все последующее многообразное проявление, вся субстанция

нашего, срединного мира. Согласно такой, метафизической точке зрения Россия должна следовать не за историческими Востоком или Западом, а исключительно за своим изначальным принципом, который невозможно извлечь из наличных обстоятельств и ни в коем случае нельзя понимать как религиозный, поскольку в религии воплощается лишь один какой-нибудь аспект Традиции, причем аспект, соответствующий конкретной, частной среде и моменту ее проявления. Религии, можно сказать, не синхронны Традиции, они не суть образ вечности, хотя в них всегда и говорится о вечности. Религии относятся к экзотерическому, а не эзотерическому порядку. Они нацелены, несмотря на постоянные соотношения с «потусторонним», на проявленный мир. Тем не менее они имеют общий Принцип, раскрывающийся в своих различных аспектах согласно месту, времени и обстоятельствам, т. е. согласно тому духовному уровню, на котором находятся те или иные существа. В этом смысле религии историчны, т. е. содержание их во многом случайно, индивидуально, не универсально, а по отношению к социуму они исполняют роль идеологии.

И точно так же, как в случае индивидуального существа, когда религиозная точка зрения «сокращает» человека до обусловленного индивида, так же и в масштабе сообщества, рода, культуры она «сокращает» коллективное «существо» до его эмпирического состава. Сокращает она и саму историю, то есть обрезает линию времени, что и произошло с историей России.

Интересно, что разные эзотерические школы говорят о том, что будущее человечества связано с будущим России и даже находится в зависимости от него. В антропософии, например, утверждается, что следующее тысячелетие будет эпохой славянства и России, которые станут ведущей в интеллектуальном и духовном отношении силой. Сейчас доминирует Запад, прежде всего англосаксонский мир, умственный и психический строй которого пронизан материализмом; как следствие, здесь тоже «сокращается» человек, но в другом отношении, сводится к биологической машине, наделенной некими способностями.

Согласно Р.Штайнеру, с окончанием жестокой эпохи, которая в астрологическом смысле соответствует знаку Рыб, т. е. последние две тысячи лет, наступает мирная и благоприятная для развития человека эпоха Водолея, знак которого покровительствует славян-

скому миру. Как бы ни относиться к этим и подобным свидетельствам, все-таки надо признать, что они делаются не просто чудачками, оригиналами, а людьми, которым было доступно некое знание. Мы можем сколько угодно отрицать его возможность, надежность, спорить о качествах источников этого знания, но оно существует, как существует интеллектуальная интуиция, как существует прозрение и откровение.

Россия претерпела большие испытания на пути своего интеллектуального и духовного развития, не говоря уже о выпавших на ее долю разрушительных войнах, нападений и с Востока, и с Запада. Европейские народы все-таки пусть с перерывами, пусть и в искаженном виде, но все же занимали свой интеллект философией и наукой, а до позитивистского переворота это были занятия и «священными науками». В России же – и не в малой части под влиянием православной идеологии, презирающей «умствования», – занятия философией и наукой были практически невозможны. То есть религиозная точка зрения не только сократила «историю», но и парализовала во многом дух народа. То же самое произвела религиозная точка зрения и по отношению ко всему человечеству: она намного «сократила» время его существования. Сейчас даже археологические открытия, не говоря уже о простой логике, подтверждают гораздо большую глубину исторической перспективы существования человечества, чем принимаемая в настоящее время «позитивной» наукой, подтверждают существование в ранние периоды других, неведомых нам цивилизаций человечества. Но не только религиозная точка зрения ограничивает горизонт познания, научное мышление тоже запрещает принимать подобные факты, нарушающие «научную картину мира». Эта «картина» тем не менее полна предубеждений. Существует даже идеологический запрет всерьез рассматривать вопрос о предшествующих цивилизациях, если они не укладываются в эволюционную картину. Практически невозможно преодолеть этот запрет в рамках материалистической науки; но как только осознается ограниченность подобной точки зрения, сразу открывается новая перспектива для понимания истинного положения дел. Становится понятно, что история России включена во вселенский, многомерный процесс, а не только в историю христианского или западного мира.

Внешнее сравнение разных культур, духовных доктрин и религий, демонстрация их сходства не есть реальное познание этих самых доктрин. Одни и те же термины говорят нередко о совершенно разных вещах. И чтобы понять, о чем же они говорят, надо суметь найти такую точку зрения, с которой все детали разнородных учений оказываются составляющими единство, связанное и согласованное по всем направлениям в Единую Традицию.

Современное научное сознание под «традицией» ничего другого не желает понимать, как только обычаи, относительно устойчивые формы общественной жизни, вплоть до того, что это слово «традиция» прилагается ко всему чему угодно, что таковой не может быть ни при каких условиях. Само слово «традиция» означает «передача», то, что может передаваться без изменения. Может ли что-либо передаваться без изменения в «потоке времени», в истории? Понятно, что нечто, передаваемое от одного времени к другому, не может оставаться неизменным, оно может быть таковым, только если это нечто передается из вечности во время: меняется состояние существования, и меняются все его условия, или, если воспользоваться словами Гегеля, меняется «состояние мира». Неизменным может передаваться только то, что «в начале», в замысле, в зерне, в программе и что впоследствии развертывается во времени, приспособляясь к меняющимся условиям становления, к уже ставшим формам. Усмотрением этого неизменного «зерна» занята интеллектуальная интуиция, особая способность познания, раскрывающаяся в процессе посвящения. Понятно, что это «зерно» не носит материального характера, это духовное начало. Поэтому совсем безразлично, каков масштаб времени, одна тысяча лет или много тысяч, в котором развертывается этот замысел и программа. Истинный масштаб отразит и начало, и Принцип, и смысл Традиции. Искаженный – их скроет.

То, что Россия никак не хочет становиться западной страной, говорит скорее в пользу того, что она не утратила еще «поддержку Неба». Запад, как строгий учитель и надзиратель, подвергает ее испытаниям, но будущее принадлежит не тому, кто учит и испытывает, а тому, кто учится и испытывается.

С метафизической точки зрения в настоящее время происходит «спуск», духовная деградация человечества. Однако эта упорствующая иллюзия – материализм со всеми его последствиями, в

которой пребывает человечество, в конечном счете развеется; деградации человечества будет преодолена, духовная и интеллектуальная иерархия восстановлена²⁰. Возможно, что именно Россия и станет той универсальной «средой», серединой, «сердцем», где совершится поворот от павшего состояния человечества к его истинному состоянию. В этом смысл ее посредничества, т. е. способности быть посередине, в обретении образа «истинного человека».

Надо, впрочем, внести некоторые уточнения, чтобы отличить точку зрения Традиции от распространенных оккультных представлений о месте России в космическом порядке. В них нередко ей также приписывают качество «сердца», понимая, однако, это «сердце» не как средоточие универсального Существования, дающее выход к Единому Принципу, а в каком-то весьма эмпирическом смысле, как комплекс переживаний, чувств, любви и сострадания. Метафизический смысл «сердца» ничего общего с сентиментальностью не имеет. Напротив, это средоточие высшего интеллекта, ведь только он есть преддверие высвобождения нашего духовного существа от гипноза частных определений и индивидуальных, эмпирических характеристик.

Если представить концепцию Единой Традиции в более современной терминологии, то можно ассоциировать Традицию с единой информационной Вселенной, в которой всё, все вещи, события и существа связаны между собой единым информационным полем. Состояние каждого человека через множество опосредующих информационно-энергетических «цепочек» связано с вселенским целым. Опосредует эту всепроникающую связь множество ступеней или уровней, на которых возникают свои целостности, как бы голограммы Вселенной, но уже более ограниченные в каком-либо отношении. Общим для всего человечества является единое информационное поле Земли, то, что принято называть ноосферой²¹, Дух Земли. Одним из опосредующих звеньев для нас является единство и духовное состояние нашей страны, России, в смысле средоточия вполне определенных информационных потоков. Жителей нашей страны связывает не только чувство патриотизма – оно давно подавлено у большинства жителей. Государство, социальные и культурные институты: обычаи, историческая память, образование, воспитание, религия; собственность, экономика, семья, право, мораль и прочие установления – связывают инди-

видов внешним образом, посредством системы норм и ценностей. Это все видимые «детали» (и детали, как правило, поврежденные или взятые из других систем) целостного образования, единство которого на самом деле должно обеспечиваться, как и в случае живого организма, не столько на материальном уровне, сколько на информационно-энергетическом. Оно, это единство, есть часть информационной программы Земли, ее ноосферы, ее информационного поля. Именно этой программой определено предназначение нашей страны. По цепочке *«Дух – культура – общество»* она должна реализовываться в конкретной жизни людей.

Параллельно становлению «каркаса болезни» человечества (в том числе и в России), т. е. процесса деградации, инволюции, всегда шел процесс сопротивления, можно сказать процесс «градации». Все установления, относящиеся к посвящению, суть меры «градации» (от слова *grade*, ступень) сопротивления злу, меры предосторожности и являются в сущности средством восстановления вселенского равновесия, а значит, и равновесия каждого существа во Вселенной. Это относится к человеку, конкретному обществу, стране, человечеству, Планете Земля, Вселенной, потому что нарушение равновесия в одной точке ведет к возмущению в масштабе Космоса. И точно так же, как выстраивается «каркас болезни» отдельного человека, так же создается «каркас болезни» страны, как в организме человека существует огромное количество защитных механизмов, так должны существовать защитные механизмы социума. Они могут оказаться разрушенными. И особенно это опасно, если разрушена цепь посвящения, отсутствует духовная (интеллектуальная) элита²². Показателем духовной деградации является отсутствие в культуре ценности «благородства», что в социуме приводит к разложению всех здоровых и нормальных отношений, к распаду личности. Населению (не могу сказать «народу», для такого наименования должно быть самосознание этого самого народа как субъекта истории, самостоятельно творящего свою жизнь) внушаются так называемые буржуазные ценности, главный настрой которых: «Не думай о высоком и благородном, не думай о будущем, живи настоящим, потребностями дня»²³. А сами подразумеваемые потребности носят исключительно животный характер. Радиус обзора каждого из представителей населения сводится к «уютному уголку», пусть этот «уголок» и занимает «элит-

ную» квартиру, дачу, машину и пр. Не выглядывай за магический круг своего владения – и все будет хорошо! Этот идеологический продукт, т. е. **намеренно сконструированный комплекс идей**, имеющий целью некоторое внушение, предназначен сделать из населения стадо, электорат, бездумные, управляемые извне массы. Это получается тем легче, что за последнюю тысячу лет «духовные начальники» чаще всего были «привозными»: вначале православными греками, а в царствующей семье Романовых вообще были, как известно, почти все немцы. К тому же оставшиеся от татаро-монгольского ига «начальники» (они отличались жестокостью и бесчеловечностью по отношению к не желавшему починяться им народу) тоже влились в господствующий класс России: таковы дворянские фамилии, возводящие свои истоки к какому-нибудь баскаку. Все эти моменты надо учитывать, исследуя современную ситуацию, ведь наше трагическое прошлое вплетено в настоящее и во многом определяет будущее. Это особая ситуация для производства идеологии, и она взывает к философии истории, ожидая от нее масштабного и более глубокого понимания. Надо оторваться от журналистского уровня обвинений в национализме, потому что этот самый национализм поощряется для всех народностей, населяющих нашу страну, за исключением русских. Но тайно и он поощряется, только в самой химерической, уязвимой форме, как провокация. Здоровое самосознание народа возможно только при развитом понимании своей истории и современной ситуации.

Общим местом уже стало утверждение, что в России только литература и поэзия оставались живыми, воплощением Духа. Действительно, России не везло с правителями, но это мало что объяснит в судьбе нашей страны, а значит, и каждого из нас. Вся конкретная событийная история – это непрекращающаяся трагедия, и русская литература была ее откровением. В XIX в. она была во многих отношениях ясновидческой. Особенно Н.В.Гоголь и Ф.М.Достоевский. Гоголь, стремясь «воздвигнуть стену всему невежественному, темному», жаждал преображения и просвещения. Он предъявил нам статическую картину несчастья, диагноза, можно сказать. «Скучно на этом свете, господа!», или: «Скучно оставленному, и некому помочь ему!» – это диагноз, причем диагноз смертельной болезни. Ведь умирают не от болезни, не от усталости, умирают от скуки. В аду нет никаких углей и сковородок,

там просто царит скука. Смерть это скука. Достоевский же показал болезнь в развитии, «историю болезни». Он рисует нам картину распада, омертвления человеческой души через последовательные ступени разрывов. «Страсть к надрывам» разыгрывается им почти во всех произведениях. Это лестница, ведущая вниз, от более или менее нормального состояния к все более демоническому. Он говорил в «Дневниках писателя», что самая важная его идея высказана им в ранней повести «Двойник» (раздвоение: герой встречает своего двойника, практически самого себя, но пугающего и враждебного ему). Последняя его повесть – «Сон смешного человека». Суть этого произведения не в сюжете, а в состоянии героя, в готовности к самоубийству. Герою стало «всё всё равно». Это в миниатюре состояние приведения универсального Существования к неразличимому однообразию, к небытию, к «праху», когда «небеса свернулись, как свиток». Подняться вверх по лестнице, ведущей вниз, по существу означало бы сопротивление этому деградиционному процессу низведения к состоянию метафизической скуки. История России воспроизводит, к сожалению, этот процесс «спуска» через множественность последовательных разрывов (обычно первым таким разрывом считается двоеверие, то есть насаждение сверху, наслоение христианства на древнюю исконную традицию, затем раскол и дальше – больше) к современному ее состоянию. Практически страна находится в бесчувственном состоянии, она дошла до нижней точки. На информационном уровне идет целенаправленное «заражение» агрессией и «переворачиванием» любых естественных отношений и проявлений человека, приведение ее населения в состояние «всё всё равно», мертвой скуки²⁴. Скука обязательно дополняется развлечениями. Человека, живущего наполненной смыслом жизнью, развлекать не надо. Развлекают только тех, кто утратил смысл, кто не в состоянии активизировать высшие миры своего существа. Развлечения, особенно массовые, есть самое наглядное свидетельство полной деградации человека и, соответственно, сообщества людей. На стадионе или на концерте какой-нибудь «звезды» присутствуют не отдельные личности, там находится стая, стадо. Единицы этого стада – индивиды – не обладают собственной сущностью, ими движут не отдельные «души», а психические «обрывки» ранее живших на Земле людей, как правило, погибших не своей смертью. Они как бы восполняют

друг друга, объединяясь в одно мертвящее информационное поле. От этого приходят в экстаз. Проекция этого коллективного экстаза, т. е. те, кто в центре, «звезды» или в случае спорта игроки, есть на самом деле эрзац единства индивидуальной Души, замена живой сущности виртуальной проекцией. Эти замены заполнили пространство культуры. Они и есть оборотная сторона метафизической скуки.

Человеческая жизнь, утратившая метафизическое измерение, есть просто работа и отдых, развлечение. Резкое разделение рабочего и свободного времени произошло совсем недавно. Рабочее время – состояние рабства, свободное, казалось бы, должно быть состоянием свободы. Но! Мир развлечений – мир игры – заполнил собою то время, которое могло бы быть отдано свободе, а развлечение имеет своей подоплекой скуку, это не его противоположность, а основа и среда. За развлечением прячется глубокое уныние. Человек играющий – это человек скупающий. Но что же, не радоваться и не веселиться? Напротив, естественная радость есть признак неразорванности, целостности, иначе говоря, физического и духовного здоровья. Но именно радость и невозможно обрести в современных массовых развлечениях. Массы безрадостны.

Массовая культура обрушилась на Россию как снег на голову. Она пришла, как и все, извне и на неподготовленную почву. Поэтому приняла здесь какие-то особенно безобразные формы (достаточно посмотреть телевизор, чтобы убедиться в этом). Почему же мы, как всегда, оказались неподготовленными? Возрождения – и утверждать это стало общим местом – в России не было. А просвещение без возрождения навсегда останется химерой, образованием себя по чужому лекалу. Поэтому и настоящего просвещения²⁵ тоже не получилось, несмотря на определенные усилия образованного слоя. Возрождение – это всегда обновление, но неясно, что же должно быть возрождено. На какую бы эпоху в прошлом нам ни указывали, ни одну из них не стоит возрождать. Ведь все наши исторические представления упираются в неодолимый барьер, момент принятия христианства. Решили возродить православие, нарядили в рясы бывших комсомольцев и партийных деятелей – вот и все возрождение. В таком же духе создаются декорации и других социальных и культурных установлений прошлого. Но

ведь возрождать надо не какое-нибудь нравящееся тем или иным людям прошлое, возрождать надо распадающегося человека, его личность. И сначала найти причины этого распада, для чего надо понять, что есть человек. Задача трудно разрешимая для разума и рассудка. Она вообще становится понятной лишь с метафизической точки зрения, как открытие перед существом новых возможностей постижения бытия, что связано с достижением этим самым существом определенного качества. Символически обретение этого качества и последующий акт посвящения можно обозначить как *поворот* вокруг центра данного существа к другой, более высокой ступени существования.

Состояние современной русской культуры можно назвать полностью дезориентированным, утратившим тот самый центр, вокруг которого можно было бы совершить подобный поворот к восхождению и возрождению, обретению новых возможностей. Можно сказать, что она почти перестала осознавать связь с Единой Традицией. И, **вопреки распространенной точке зрения, православная религия не восстанавливает такую связь, а напротив, полностью ее блокирует.** Дело не только в ее неорганичности для Духа русского народа. Существенно также то, что православие насильственно искореняло предшествующую духовную традицию, истребляло волхвов, ведунов, знахарей и вообще сколько-нибудь самостоятельных в духовном отношении людей, не говоря уже о письменных и материальных носителях изначальной Традиции. Это и было настоящим порабощением Духа народа, говоря современным языком, внедрением чуждой, враждебной информационной структуры в сознание и психику людей.

Дохристианская русская традиция была гораздо ближе к Единой Традиции, следы которой сохранились еще в метафизических учениях Востока. Современные реконструкции, правда, не всегда убедительны. Нередко те, кто стремится к возрождению дохристианской традиции, вкладывают в эти реконструкции свои представления о том, что должны были думать наши предки. Получается продукт-новодел, который соответствует современному уровню массового сознания и приносит больше вреда, чем пользы.

Не только в России, но и во всем мире христиане целенаправленно истребляли памятники предшествующей культуры, также как и живых носителей знания. Но в России это, а также и наше-

ствие татаро-монгольской орды, привело к насильственному разрыву исторической памяти, блокированию родовой памяти нашего народа. Процесс дошел до того, что правдоподобным стало отрицать наличие древней культуры и письменности²⁶. Однако, если были города, а их было очень даже много, если была организованная военная сила²⁷, если были торговые и межгосударственные связи между Русью и другими странами, связи между своими городами и весями, то, конечно же, это все обеспечивалось письменностью и как-то фиксировалось. Надписи на мечях, т. е. на металле, сохранились, на более хрупких носителях они, естественно не могли сохраниться. Существует множество и других свидетельств, не говоря даже о знаменитых «чертах и резах» (черты – письмо на дереве, а резы – на камне). Родство русского языка и санскрита, как уже говорилось, ни у кого не вызывает сомнений. И если санскрит со своей письменностью есть гораздо более древний язык, чем многие европейские, то естественно предположить, что и родственный ему русский язык тоже был письменным. Во всяком случае, по своей сложности, высокой развитости и способности выражать бесконечное множество смыслов русский язык превосходит многие известные в настоящее время языки. А в языке живет душа народа.

Связь между духовными традициями разных народов надо искать не на уровне внешнего сходства, а в глубине символического смысла слов, образов, мифов, в самих их корнях. Боги древних славян были, как и все древние боги, синтезами родового, социального и космического сознания, образуемыми через конкретизацию и приложение метафизических принципов. Таковы были у славян бог Род, богини Лада и Леля. Таков же был Сварог, тождественный одноименному богу индусов, Небо, но, опять же не эмпирическое небо, а как принцип, дополнительный к Земле. Раскрыть полноту этих символов еще предстоит нашим современникам, без этого невозможно восстановить здоровье народного духа. Православие как идеология привело в целом к духовному оцепенению. Его господство, поддерживаемое государством, держало население в состоянии «стада» (как называют, так и относятся), а в стаде нет никаких «субъектов», там одни «объекты», и понятно, объекты чего: господства и подавления. Тоже можно сказать и о любой другой массовой религии.

Правда, в нашей истории были и славные исключения. Хотя и в формах православия русский народ находил в себе силы побеждать. Во время смуты в 1612 г. – и это широко известный факт в церковной истории²⁸ – по призыву Патриарха Гермогена весь народ как единый человек, включая малых детей и стариков, молился и постился строгим постом в течение трех дней и еще несколько дней на хлебе и воде. С точки зрения мистической подоплеки истории можно истолковать эти три дня равными трем столетиям спокойного в до определенной степени благополучного правления Романовых. Аскетический подвиг народа и его единение «в Духе и в Истине» задали энергетический импульс на последующие триста лет. Не надо думать, что это можно повторить. Каждое такое событие уникально. За время правления Романовых импульс иссяк. Однако в 1812 г. в победе над Наполеоном (черным харизматиком) русские тоже имели поддержку, но уже со стороны стихий, если так можно выразиться, от Духа Огня. Русские, отступая, уходя из деревень, сжигали все свое имущество, дома и пр. Сжигали дотла. Тоже своего рода аскеза. Москву тоже сожгли. Победили «духа на коне», как назвал Гегель Наполеона, обратившись к стихии огня, к Духу Огня. Победа «в Духе и в Истине» всегда предваряет победу на поле боя. В Великую Отечественную Войну стихия воздуха и воды (снег и мороз) помогла русским победить другого черного харизматика. Разумеется, это не отменяет значения личного героизма русских. И без него, возможно, не было бы и поддержки стихий, и стихии стали на нашу сторону. Теперь «черный харизматик» не имеет личности, это коллективный субъект, размытый и почти невидимый, неуловимый в конкретных персонажах. Предшествующие великие победы оживляли Дух народа. Однако, по логике тайноведения, теперь можно обратиться только к Духу Земли, Богу Земли (можно называть Его как угодно, ведь имени Его все равно никто не знает). Как я понимаю, это единство Духа и всех стихий, интеграл стихий – квинтэссенция. Точнее сказать пока не могу.

Все человечество можно представить себе как некий «vortex» (винт, вихрь, вращение), в котором на каждом витке бытует свое состояние существования и, соответственно, свой «Дух народа». Если «сминается» один виток, то приходит в расстройство и все универсальное Существование. Поэтому восстановление адекватного каждому народу его собственного духовного порядка, не

заимствованного у другого «витка», есть дело важное и нужное для всего человечества²⁹. Универсальный космический порядок в определенном смысле есть возвращение к началу, восстановление. Восстанавливать и возрождать в каждом случае придется не какое-то предшествующее, исторически близкое состояние, а изначальный Принцип, высший смысл проявления которого в единой гармонии всех возможных состояний универсального существования. Отступление от принципа – исток любого кризиса, возвращение к нему – условие его разрешения. Начало русской культуры надо полагать не во времена принятия христианства, а по крайней мере за два тысячелетия до этого, иначе никак не объяснить ни существования сложной системы богов, очень развитой и гармоничной³⁰, ни сложного и динамичного языка. Началом же ее кризиса с большой долей уверенности можно принять ее раздвоение на два несовместимых принципа, которое как раз и произошло с принятием противоречащей Духу народа идеологической системы, т. е. христианства. Первый – дохристианский, метафизический, исконный, исходящий от общего корня индоевропейской единой Традиции, – это принцип единой гармонии всего сущего, человека и Вселенной. Здесь Человек – это посредник между Небом и Землей, все три начала носят священный характер. Опосредование выражается в системе Богов, оно представлено сложными ритуалами и смыслами, следы которых сохранились в сказках, если их не испортили «перфекционисты», «улучшатели» всякого рода, цивилизаторы. Второй принцип, противоположный первому, – это разделение на два мира, противостоящих друг другу: мир Бога и мир человека и его существования. Человек здесь – раб, он не ведает, что творит, таким он и становится после принятия этого принципа к руководству в мире мысли и действия. Этот принцип оправдывает несправедливости, господство одних людей над другими, едва прикрытое рабство. Он был принят в качестве господствующей идеологии теми людьми, цели которых отнюдь не совпадали с целями и интересами русского народа и тех народов, которые были с ним связаны, хотя такое историческое испытание, возможно, было и неизбежно. Поэтому деспотизм в организации социума (государства) вызывался не тем, что не было опыта свободы: это понятие очень многомерное, никак не сводимое к политическим или социальным свободам. Он вы-

звался в первую очередь постоянным насилием над Духом народа, идеологическим насилием и, соответственно, постоянным сопротивлением этого Духа.

Если говорить о кризисе в русской культуре, мы должны принять совсем не тот ближайший масштаб рассмотрения, который обычно принимается историками. Не в XIX в. лежат эти истоки, не в петровской эпохе, не во временах Смуты, или царствования Ивана Грозного, или татарского ига. В каждую из этих эпох и в другие тоже верхний слой общества – то, что сейчас называют интеллектуальной элитой, – судорожно стремился найти такое решение, чтобы социум не взорвался изнутри, не говоря уже о постоянной необходимости его защиты от внешних атак. Однако условием этих решений было сохранение христианской идеологии, никто из них, включая и правителей, и помыслить не мог о кардинальной идеологической реформе; коммунистическая реформа тоже была в русле этой доминирующей христианской ментальности, только с иным знаком. Однако постепенно эта идеология все же изнашивалась, подтачивалась «кротом истории», который незаметно для внешних наблюдателей роет свои «подпольные» ходы. Тем не менее она (навязываемая идеология) свое дело успела сделать, так что, можно сказать, превратила Дух народа в «бездыханное тело». Внешняя, событийная история определяется не только от одного события к другому, якобы полностью зависящему от предшествующего. Под этой видимой тканью исторических событий скрыта изнанка, «подпольная история», в такой же мере определяющая события, что и явная, «дневная». Но видимая, документируемая история определяется в принципе не только предшествующими событиями и «подпольем», в еще большей степени она задана симметричным «подполью» «надмирьем». Религиозная точка зрения противопоставляет последнее, населяя его своими представлениями, воображаемыми сущностями, миру человека и «нижнему миру», полагая нередко даже между ними вражду. Однако это суть три взаимно дополнительные и неразрывно связанные между собой принципа, вместе создающие весь проявленный мир. С этим тройным определением можно сопоставить три также четко отличающихся «потока сознания», а именно родовой, социальный и космический. Сознание каждого человека и все его существование определено родом, социумом и космосом, эти три информацион-

ных потока соединены в едином узле в нашем «я», связывают эмпирическое «я» и «Я трансцендентальное». Ни один из этих потоков не может считаться самостоятельным и самодостаточным, они дополняют друг друга. Такова точка зрения традиционализма, т. е. метафизики практически всех традиционных доктрин. И она, конечно, более объемна и ближе к истине, чем ограниченная и всегда морализаторская точка зрения религии. Любое так называемое историческое событие в себе содержит тройное определение – по горизонтали, в плоскости событий, по вертикали – метафизические определения, символизированные Небом и Землей. Или, используя более современную терминологию, тремя потоками информации: родовым, социальным и космическим. Все три определения связаны «моментом вращения», т. е. приводятся в действие «энергией» (это отчетливо прозрел Л.Гумилев). Так событие становится объемным и, как голограмма, содержит в себе смысл всего целого. История, таким образом, так же голографична, как и сама Вселенная. Без этого принципа, рассматривая только ряд событий «по горизонтали», ее понять невозможно, сколь бурно ни возражали бы против этого «позитивные» историки, свято верящие в «документ» и в «факт», которые и тот, и другой конструируются и суть иллюзии³¹.

Хочу заметить, в этой связи, что внешнее возрождение, т. е. конструирование традиционных форм на основе недостаточных сохранившихся данных, не приведет к восстановлению подлинной духовной Традиции. Путь лежит через восстановление целостного Человека, посредника между Небом и Землей, в котором сосредоточены, как в сердце сосредоточен «океан» жизненной энергии, все духовные влияния Вселенной. Единство с ней – вот тот принцип, который может разрешить системный кризис русской культуры, а значит, и способствовать разрешению такого же кризиса мировой культуры. Препятствием для восстановления такого духовного порядка, при котором это единство с Вселенной будет не только возможным, но и естественным, является «хроническая болезнь» нашей культуры, длящаяся веками, которую мы обозначили как «системный кризис». Для устранения ее необходима «свобода совести» и как минимум сама совесть (совесть – совет – свод, данный Богом). Необходима свобода мысли и как минимум сама мысль, самостоятельная и самоценная. Иными словами, наша сущность,

т. е. наша высшая, собственно человеческая способность, а именно: разум, интеллект – должна обрести свободу – то, что сейчас выдают за свободу совести и свободу мысли, понятно, не имеет отношения к ней. Свобода, высвобождение сущности в этом смысле есть расширение способностей познания и созидания. Такими, как представляется, должны быть идеологические ориентиры при адекватном понимании нашей истории.

Мы обозначили довольно бегло и схематично те силовые линии, по которым идет «борьба богов» за нашу историю. Мы вовсе не призываем тотчас ввязаться в эту борьбу. Напротив, цель – расширить понимание современной ситуации. Возвращаясь к началу статьи, напомним, что социальный ландшафт, т. е. распределение власти, капиталов и интересов, который исследовал П.Бурдьё, как таковой нам не дан. Он прикрыт идеологическим покровом, контуры которого одновременно скрывают и повторяют этот ландшафт. Сквозь идеологический покров только и можно различить, не пытаясь его сорвать, что невозможно, так как вместо него вновь тут же образуется новый, еще более замысловатый, «истинное положение дел» ...но, правда, только на каком-то из доступных обзорных уровней.

Примечания

- ¹ Если описывать социальную жизнь в терминах теории «социального пространства» П.Бурдьё. См. *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. «Многочисленных» социологических теорий не так уж много, а теория должна быть таковой, ведь изучаемый объект в данном случае чрезвычайно сложен. Весьма емкая терминология этой теории будет и далее использоваться в этой статье.
- ² В гуманитарном знании на первый взгляд кажется, что дано многообразие культур, форм социальной организации, типов личностей, религий и т. д.; однако это многообразие невозможно было бы себе представить, если бы заранее, до всякого познавательного акта не полагалось какое-то единство. Сами названные понятия суть идеальные единства. Невозможно указать на реальность такого предмета, как культура. Это идеальный предмет, идеальный тип, так сказать. Точно также не существует никакой религии, как ее понимает наука о религии, в качестве реального предмета, это тоже идеальный тип. То же самое можно сказать о личности, о социальной организации. Все это суть определенные идеальные единства, с помощью которых мы стремимся постичь «ландшафт мировой истории», по выражению А.Дж. Тойнби. Используя эти воображаемые предметы часто как персонификации, т. е.

как если бы они были самодействующими, мы говорим о том, что *должно* быть, и в соответствии с этим представлением проектируются определенные социальные и культурные (поскольку мы говорим о культуре) действия. В отличие от естественных наук, способных указать на существующий реально природный объект, отчасти тоже, конечно, конструируемый, гуманитарные науки неспособны указать на такой природный объект, неизменный и подчиняющийся столь же неизменным законам. Они полагают «реальным» тот идеальный предмет, который был сконструирован в рамках той или иной теории. Идеальный конструкт «культура» исследуется, как если бы он был реальным объектом. Гуманитарные науки не имеют своим предметом физический мир. Их объективность обеспечивается не эмпирическими данными, а тем, что в философии получило название трансцендентальных форм познания. Это пространство и время, с одной стороны, а с другой – категории рассудка, без коих невозможно вообще никакое познание. К какой бы из существующих или существовавших ранее культур мы ни обратились, везде есть какое-то представление о пространстве и времени, везде познание реализуется согласно каким-то своим понятиям рассудка. Однако вопреки западной классической философии, убежденной в том, что априорные формы (именно в силу того, что они априорные) являются также и универсальными, то есть одинаковыми и обязательными для всех людей прошлого, настоящего и будущего, во всех странах и местах Земли, оказалось при столкновении с другими культурами и их представителями, что эти априорные представления и категории разительным образом отличаются от «самоочевидных» европейских. Своеобразие представлений времени и пространства, а также категорий, в которых постигается мир, оказалось не меньше, чем сходства, которое можно в них обнаружить.

³ В ней есть и привлекательная сторона, а именно, наблюдение относительно космически-энергетического «тонуса» того или иного народа, этноса.

⁴ Описание социального пространства, вне которого немислима работа историка, предполагает определенное отношение ко времени. Здесь «прошлое» всегда остается самим собой, никогда не достигает настоящего, а будущего вообще нет. В философии же истории, напротив, будущее весомее настоящего, которое никак не может ускользнуть от надвигающегося будущего, определяющего (телеологически) его смысл. Для социолога же сама философия истории как продукт идеологического производства рассматривается в настоящем времени как отклик на динамику взаимных позиций и диспозиций, т. е. всего сложного «ландшафта» современной исследователю социальной ситуации.

⁵ *Бурдьё П.* Мертвый хватает живого // Социология политики. С. 302–303.

⁶ Совсем не безразлично, каким богам люди молятся. Известно, что через материальный предмет – икону или здание, обустроенное для ритуала места, – энергия людей, предающихся молитве, обращенной к этому предмету или этому месту, концентрируется и находит свой «адрес». Источник всякой религии – это поклонение предкам. Предок не есть родители и дальние родственники, это персонифицированный Род. В нашем мире общечеловеческий Предок, Человеческий Род, представлен в народах через Дух народа. Поэтому, отсылая энергию своего народа чужим предкам, мы ослабляет свой Род. Это

- означает, что мы тем самым нарушаем предустановленную гармонию, если так можно сказать, всего Человеческого Рода, где каждый (народ и человек) должен исполнить *свое* предназначение. Как говорится в Индии, лучше плохо исполненная своя Дхарма, чем хорошо – чужая.
- 7 Для разъяснение этого понятия я вынуждена отослать читателя к моей же собственной статье «Дух Земли живет в России» в журнале «Философская Россия» № 2 за 2007 г. или же к главе «Россия, будущее Традиции» в моей же книге «Бесконечный лабиринт» (М., 2008). Представления о нашей планете Земля как о живом одухотворенном существе, о Боге Земли, придерживались в прошлом многие писатели и мыслители, как эзотерические, так и экзотерические, а сегодня это убеждение распространено еще шире.
- 8 См.: *Леднев В.С.* Венеты. Славяне. Русь. Историко-этимологические и палеографические проблемы. М., 2010.
- 9 *Гусева Н.Р.* Русские сквозь тысячелетия. М., 2007; *Гусева Н.Р.* Арии и древнеарийские традиции. М., 2010.
- 10 Недостаточно проработанным в этой теории остается вопрос о направлениях движения народов из арктических областей. Ведь тогда моря имели другую форму. Когда ледники таяли, то вода занимала большую поверхность, чем сейчас. Впрочем, это преодолимое препятствие. Относительно слова «арии» можно сказать, что его идеологическое употребление в фашистской Германии было абсолютно неправомерным. «Арий» переводят с санскрита как «благородный». Это самоназвание пришедших в Индию индоевропейских племен. Слово родственно русскому слову «аратай», т. е. земледелец. Пахарь. С этим связана и целая гроздь близких значений, от этого коренного значения и образовался смысл «благородный» (в противовес «кочевникам», пастухам, которые были неблагоприятны с точки зрения ариев). Это значение слова, т. е. «благородный», вообще возникло в противопоставлении к местному населению, которое не обязательно было номадами. Напротив, как показывают раскопки Мохенджо-Даро и Хараппы, там уже была высокоразвитая цивилизация. Возможно, что это было противопоставление более южному населению полуострова.
- 11 А.Иванченко, замечательный исследователь дохристианской Руси, пишет: «Как показали археологические раскопки моего земляка Бориса Левченко, открывшего у села Медвин на Богуславщине несколько женских погребений IV в. до н. э., **прах моих пращуров, радивших хлеб и варивших высокоуглеродистую**, как у древних самурайских мечей в Японии, сталь, уже с тех времен покоится на берегах Росси...» (*Иванченко А.* Путиями великого россиянина. М., 2006. С. 185). Там же можно прочесть неопровержимые доказательства о высоком развитии культуры и письменности славян до принятия христианства.
- 12 Я, конечно, понимаю, что слово «Провидение» не является научным, но оно точно обозначает то будущее, которое предстоит реализовать. Поскольку современная наука не признает реальность того, что Аристотель называл «целевой причиной», то тем самым она не может допустить Провидения, но охотно играет с привидениями, то есть с фантастическими представлениями о той реальности, которую хочет изучать.

- ¹³ *Леднев В.С.* Венеты. Славяне. Русь. Историко-этимологические и палеографические проблемы. М., 2010. С. 104. Удивительно, но эта замечательная книга издана под патронажем РПЦ! В предисловии к этой книге (автор Т.П.Егорова) представлено краткое обозрение обширной литературы, в которой восстанавливается историческая справедливость относительно истории России, русских, их культуры, развития языка и письменности.
- ¹⁴ *Ильина Н.Н.* Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки. СПб.–М., 2010.
- ¹⁵ Его призрак, как известно, бродил по Европе и к нам «забрел невзначай».
- ¹⁶ В журнале «Новый мир» (1988. № 6) Д.С.Лихачев очень лихо обрубаёт, как одним ударом топора, все корни русской культуры, ориентируясь исключительно на свои идейные предпочтения: «Сама по себе культура не имеет изначальной даты. Но если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год... Нужна ли нам дата двухтысячелетия или полторатысячелетия? С нашими мировыми достижениями в области всех видов искусств вряд ли такая дата возвысит чем-либо русскую культуру. Основное, что сделано мировым славянством для мировой культуры, сделано за последнее тысячелетие. Остальное лишь предполагаемые ценности» (Цит. по *Леднев В.С.* Венеты. Славяне. Русь). Чего здесь больше – неосведомленности или идеологической предвзятости? Если Лихачеву не нужна была наша двухтысячелетняя история, то скорее всего его точка зрения теперь нужна еще меньше.
- ¹⁷ Конечно, сохранялось тоже посредством насилия, иначе двоеверие не сопутствовало бы на протяжении всего христианского периода русской истории, и народ не отвернулся бы с такой легкостью от церкви, если бы считал ее своей, исконной.
- ¹⁸ Понятно, что излагать здесь концепцию Единой Традиции невозможно. Схематичное, краткое изложения или поверхностные интерпретации только искажают ее. Поэтому мы просто отсылаем читателя к книгам Р.Генона.
- ¹⁹ См.: *Генон Р.* Великая Триада. М., 2010. О роли посредника в метафизическом смысле этого слова в книге говорится в XIV главе. Хотя о России Генон нигде не пишет, однако, это не значит, что, как полагал, например, Гегель, а вслед за ним и П.Чаадаев, Россия – страна неисторическая. Гегель слишком большое значение придавал истории, в которой для него развертывался весь смысл абсолютной идеи, история и была для него реализацией Абсолюта. У Генона в этом отношении обратная позиция, в истории он не видит ответа на все вопросы. Поэтому судить о России по событиям прошлой истории, по тем состояниям существования, которые ей пришлось пройти, не совсем правильно. Да и Гегель судил обо всем, исходя из идеи «конца истории», который как раз приходился на его философскую систему, и в ней абсолютная идея погасла. Россия не реализовала свои возможности в прошлом, тем больше их откроется в будущем. И если раньше, последнее тысячелетие, она развивалась под знаком подражания и стилизации, пусть и превосходила во многом своих учителей, то теперь будет под знаками интеллекта и метафизики.

- 20 Для современного массового сознания слово «иерархия» ассоциируется с чем-то «авторитарным», «тоталитарным» и явно устаревшим. Однако без иерархии может быть только пыль, прах, «всё всё равно», т. е. нечто абсолютно однородное, ведь если есть разнородность, то есть и иерархия. Правда, сейчас подлинных иерархий нет, а есть лишь подделки, поскольку на вершине должен находиться духовный принцип или проводник духовного влияния, что в современном мире невероятно.
- 21 Правда, обычно ноосферу понимают как суммарный продукт интеллектуальной и духовной деятельности человечества, не учитывая того, что она есть часть информационного поля Вселенной, т. е. принципиально определяется не людьми, а Вселенной. Люди скорее порождают хаос, чем создают более совершенный порядок.
- 22 Элита может быть только интеллектуальной, а раз к интеллекту у нас отношение пренебрежительное и неадекватное, то и элиты никакой не существует. Искусственно ее создать тоже невозможно, она есть следствие и признак правильного духовного порядка. К религии правильный духовный порядок не имеет тоже отношения. Само доминирование и даже существование религии есть признак его деградации.
- 23 Одно дело, когда жить настоящим предлагается в разных духовных практиках (например, «не привязывайся, не ищи!»), а совсем другое дело этот прием распространять на весь социум, делать его фокусом идеологии.
- 24 Конечно, чувство благодарного негодования тут уместно, но оно несколько не продвинет нас к пониманию происходящего. Все процессы на Земле, включая социальные, экологические, природные катастрофы, связаны с состоянием информационного поля Земли, с Духом Земли, с тем, что сейчас называют ноосферой. Дух Земли реагирует на все деяния человечества, на все его злодеяния, нарушающие вечные законы Вселенной. Проявляется это в том числе и в растущем числе катастроф разного рода, и в ослаблении защитных сил организма, в увеличении психических и других заболеваний. И нам неизвестно, каким еще грозным образом может проявиться этот «протест» со стороны Духа Земли. Связь человечества с Богом Земли не односторонняя, вероятно, это очень сложный алгоритм. Целью *посвящения* в таком случае является *просвещение*, понимание того языка, на котором говорит с нами Бог Земли. Интересно, что идеи о едином Духе Земли, о том, что Земля является живым существом, проникли уже в массовое сознание.
- 25 В Европе «просвещение» означало «нести свет во тьму», было лозунгом инициативных, в частности, масонских организаций. Духовная элита Европы в те времена стремилась к свету. У нас же сейчас так называемая элита, а на самом деле, конечно, контрэлита вместо просвещения несет развращение.
- 26 См. об этом: *Иванченко А.С.* Путиями великого россиянина. СПб., 2006.
- 27 В походе Святослава на Константинополь участвовало, по современным данным, не менее 10 000 человек; конечно, предположить, что он мог победить хорошо укрепленный город и сильную имперскую армию на одной лодочке с несколькими соратниками, было бы очень романтично и даже славно, но истина все-таки дороже.

²⁸ См.: *Толстой М.В.* История русской церкви. М., 1991.

²⁹ Абстрактный уровень рассмотрения не предполагает, что надо из этого делать практические выводы. Можно привести аналогию с плотиной: плотины, в особенности на крупных реках, где стоят гидроэлектростанции, конечно, разрушают естественную экологию не только этого места, но и всей планеты. Это не значит, что надо взрывать плотины. Даже если сообразят, что плотины надо уничтожить, то надо сначала спустить через шлюзы воду, а затем разбирать ее, начиная с верхних слоев и постепенно доходя до основания. Также и в социуме, надо сначала «открывать шлюзы», т. е. предоставить потоку течь свободно. А затем «разбирать плотины», у нас же любая «перестройка» – это обязательно «взрыв плотин». Ничего, кроме катастроф, таким путем добиться нельзя. Мы их и получили.

³⁰ См. об этом, например: *Семенова М.* Быт и верования древних славян. СПб., 2000.

³¹ Документы, во-первых, часто фабрикуются уже значительно позже событий, а во-вторых, они фильтруются, отбираются и интерпретируются. Факты – то же самое. Фактом становится только то, что «вмещается» в картину, предваряющую всякое исследование. В противном случае исследователь не знал бы, на какие «факты» обратить внимание. Поэтому рядом с историей историков идет невидимая и нефиксируемая другая история, определяющая первую в гораздо большей степени, чем это представляется на первый взгляд. И это не заговоры и тайные общества (любой договор тоже есть заговор), а скорее то непонятное, что обычно называют Судьбой и Провидением. Провидение не всегда оказывается приведением, нередко оно явно вмешивается в судьбы народов.